

УДК 141:82(47)
ББК 87.3(2)6:83.3

Артём Андреевич Гравин

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Россия, Москва; Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nagval_89@mail.ru

Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготшвили¹

Аннотация. Дан анализ теоретических подходов русских религиозных мыслителей (Вячеслав Иванов и Андрей Белый) к лингвистическому и метафизическому осмыслению символа. Показано, что данные подходы могут быть рассмотрены в связи с лингвофилософской концепцией предикативности. В качестве методологического инструментария использована предикативная концепция символа Людмилы Гоготшвили. Обосновано, что в рамках данной концепции принципиальным оказывается выражение трансцендентного смысла в имени через предикацию в мифе. Выдвинута гипотеза, что модель данного выражения может позволить оценить лингвофилософские особенности различных подходов к определению символа в рамках традиции русского символизма. Осуществлена экстраполяция лингвофилософского подхода Гоготшвили на сравнительный анализ символизма Вячеслава Иванова и Андрея Белого, различающихся в оценке онтологического статуса выражаемого посредством символа смысла. На основании проведенного анализа делается вывод, что символизм Вячеслава Иванова связан с предикативным выражением трансцендентного смысла в языке посредством неконвенционального мифа, а символизм Андрея Белого связан с субъектно-предикативным конвенциональным соединением языковых единиц посредством метафоры. На основании рассматриваемой методологии Гоготшвили также показано, что символизм Андрея Белого, в отличие от символизма Вячеслава Иванова, не склонен к выражению трансцендентного смысла, но обозначает имманентное присутствие смысла в пространстве языка.

Ключевые слова: символизм, предикативность, энергийность, категории явленного и неявленного

Artyom Andreevich Gravin

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, PhD in Technical Sciences, senior researcher officer, Russia, Moscow; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, researcher officer, Saint Petersburg, e-mail: nagval_89@mail.ru

Symbolism of Vyacheslav Ivanov and Andrey Bely in Context of Lyudmila Gogotshvili's Predicative Concept

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01832, <https://rscf.ru/project/22-28-01832/>. The research was carried out in A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01832 <https://rscf.ru/project/22-28-01832/>.

Abstract. This article analyzes theoretical approaches of Russian religious thinkers (Vyacheslav Ivanov and Andrey Bely) to the linguistic and metaphysical comprehension of symbol. It is shown that this approaches to the symbol can be considered in view of the linguo-philosophical concept of predicativity. In this regard, Lyudmila Gogotishvili's predicative concept of the symbol is used in the article as a methodological toolkit. It has been substantiated that, within the framework of this concept, the expression transcendental sense in the name and by myth predicativity turns out to be fundamental. A hypothesis is put forward that these corrections make it possible to evaluate the linguo-philosophical features of various approaches to the symbol within the tradition of Russian symbolism. The article carries out an extrapolation of Gogotishvili's linguo-philosophical approaches to a comparative analysis of Vyacheslav Ivanov and Andrey Bely's symbolism, which differ primarily in their evaluation of ontological status of sense expressed by symbol. On the basis of the analysis carried out, it is concluded that Vyacheslav Ivanov's symbolism is associated with the predicative expression of transcendental sense in language through an unconventional myth, and Andrey Bely's symbolism is associated with the subject-predicative conventional connection of linguistic units through a metaphor. On the basis of methodology in question it is also shown that Andrey Bely's symbolism, in contrast to Vyacheslav Ivanov's symbolism, is not inclined to expressing the transcendent sense, but designates an immanent presence of the sense in the language space.

Key words: symbolism, predicativity, energeticity, revealed and implicit categories

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.133-147

Неявленное и явленное бытие в символе

Проблема соотношения трансцендентного и имманентного бытия возникла в различные периоды истории европейской мысли. Так, в рамках византийского богословия она была особенно остро акцентирована в период паламитских споров XIV в. о божественных энергиях, предметом которых стал вопрос о различении в Боге явленной энергии и неявленной сущности². В силу культурно-исторических связей между поздневизантийским богословием и русской религиозной философией, отголоски данных дискуссий явили себя и в рамках отечественной интеллектуальной культуры начала XX в.³: учение о различении онтологических энергий и сущности Григория Паламы и лингвистические концепции гносеологических энергий и эргона Вильгельма Гумбольдта и Александра Потебни в разной степени повлияли на формирование у мыслителей Серебряного века самобытных теорий символа⁴ и философии имени⁵.

² См.: Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 874 [1].

³ См.: Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 2018. Т. 23. №5. С. 34–47 [2]; Coates R. Religious Renaissance in the Silver Age // A History of Russian Thought. Cambridge: CUP, 2010. P. 169–194 [3]; Coates R. Deification in Russian Religious Thought Between the Revolutions, 1905–1917. Oxford university press, 2019. 232 p. [4].

⁴ См.: Goering L.L. Andrei Bely and the Humboldtian tradition of language philosophy (A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy). Cornell University, 1989. P. 14 [5].

С лингвистической точки зрения важным оказывался вопрос о границах языка и его способности к выражению (выявлению) вне- и над-языковых реалий в символе⁶. По сути своей данный процесс связан с концептуализацией трансцендентного по отношению к языковым реалиям бытия. Исследованию данной проблематики посвящены одноименные лингвофилософские работы отечественных мыслителей Алексея Лосева и отца Сергея Булгакова с названием «Философия имени» (1927 г. и 1920 г.). С опорой во многом на работы этих мыслителей (в первую очередь на Лосева), а также на работы Михаила Бахтина) в конце XX – начале XXI в. сформировался лингвофилософский проект Людмилы Гоготишвили (1954–2018), включающий в себя исследование и концептуализацию символизма, а также построение теории употребления языка (феноменология непрямого говорения).

При проблематизации символа как связи трансцендентного и имманентного бытия оказывается возможным лингвофилософский анализ концепций русского символизма, позволяющий выявить лингвистическую природу символа и оценить логику становления отечественной интеллектуальной и художественной культуры XX века в перспективе философии языка⁷.

Ниже рассмотрены два подхода к символизму, которые могут быть зафиксированы на примере творчества младосимволистов Вячеслава Иванова и Андрея Белого. При этом в качестве методологического инструментария использована предикативная концепция символа Людмилы Гоготишвили.

Применение данной концепции при анализе творчества Вячеслава Иванова осуществлялось Людмилой Гоготишвили в работах «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)» (1999 г.)⁸ и «Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова» (2002 г.)⁹. Однако отсутствие у Гоготишвили отдельного исследования символизма Андрея Белого компенсируется возможностью экстраполяции ее лингвофилософских подходов на прове-

⁵ См.: Бибихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. С. 60 [6]; Kuße H. Von der Namensverehrung zur Namensphilosophie. Ihre zeichentheoretischen Konzepte // Name und Person, München: Sagner, 2006. S. 77–110 [7]; Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2016. С. 233 [8]. О влиянии антично-средневековой метафизики энергий на гумбольдтианство см. также: Voss J. Aristote et la théorie énergétique du langage de Wilhelm von Humboldt // Revue philosophique de Louvain. QUATRIÈME SÉRIE. 1974. Vol. 72, No. 15. P. 482–508 [9].

⁶ См.: Мельникова И.В. Природа символа в модусе эссенциально-энергийного единства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Омск, 2006. С. 28–38 [10].

⁷ Обоснование необходимости концептуальной рецепции русского символизма см.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. М.: Языки славянских культур, Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175 [11].

⁸ Первая публикация: Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 303–382 [12].

⁹ Первая публикация: Гоготишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Между Святым Писанием и поэзией. Europa Orientalis. Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari Università di Salerno. 21 (2002): 1, 2004. С. 213–250 [13].

дение сравнительного анализа символизма Вячеслава Иванова и Андрея Белого. Следует отметить, что сравнение символизма Вячеслава Иванова и Алексея Лосева в интерпретации Людмилы Гоготишвили проведено в статье Светланы Федотовой «Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев)», представляющей собой единственное на данный момент подобное исследование¹⁰.

Особенности предикативной концепции символа Людмилы Гоготишвили

Одним из базовых аспектов творчества Людмилы Гоготишвили является теоретическое осмысление понятия символа. Данное исследование развивалось ею от коммуникативной концепции (раннее творчество) через предикативную (средний период творчества, книга «Непрямое говорение» (2006 г.)¹¹) к концепции символических слоев (поздний период творчества, книга «Лестница Иакова» (2021 г.)¹²).

Предикативная концепция символа разрабатывалась Гоготишвили в ряде теоретических и историко-философских работ: по большей части это работы, собранные в книге «Непрямое говорение»¹³, среди которых представлены тексты, посвящённые Вячеславу Иванову, Михаилу Бахтину и Алексею Лосеву. Можно также упомянуть и ряд более ранних её работ, таких как «Лосевская концепция предикативности» (1999 г.)¹⁴, «Лингвистический аспект трёх версий имяславия» (1997 г.)¹⁵, а также обобщающую статью «Рецепция символизма в гуманитарных науках» (2004 г.)¹⁶.

Данная концепция чаще всего ассоциировалась у Гоготишвили с наследованием идей русского символизма и постсимволизма¹⁷, в рамках которых ею выделялась своеобразная линейка «героев» (помимо упомянутых выше, это

¹⁰ См.: Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273 [14].

¹¹ Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с. [15].

¹² Гоготишвили Л.А. Лестница Иакова: архитектура лингвофилософского пространства. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 616 с. [16].

¹³ Это в первую очередь следующие работы: Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 15–103 [17]; Гоготишвили Л.А. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева) // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 220–415 [18]; Гоготишвили Л.А. К феноменологии непрямого говорения // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 416–696 [19].

¹⁴ Гоготишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. *Личность и Абсолют*. М.: Мысль, 1999. С. 684–701 [20].

¹⁵ Гоготишвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // Лосев А.Ф. *Имя*. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 580–614 [21].

¹⁶ Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 148–175.

¹⁷ См.: Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия). С. 139–220.

еще Андрей Белый, Густав Шпет, Павел Флоренский и Сергей Булгаков), концептуально повлиявших на лингвофилософский проект Гоготишвили. Однако отдельного исследования этой концептуальной линии преемственности, обозначенной в рамках творчества Гоготишвили, и, как следствие, оценки его эвристического потенциала по отношению к исследованиям символизма на данный момент осуществлено не было. Попытку частично устранить этот пробел представляет собой настоящее исследование.

По своему определению, предикат есть функциональный признак (процессуальное «как») предмета (субъекта как «что»)¹⁸. Как показывает Гоготишвили в работе «Рецепция символизма в гуманитарных науках», в приложении к русскому символизму субъект и предикат следует рассматривать в феноменологическом смысле, то есть шире их привычного логического понимания. Поэтому получаемое в результате их соединения высказывание подразумевает референцию не к трансцендентному предмету (денотату), но к эйдосу как элементу феноменологического сознания. В связи с этим Гоготишвили отстаивает тезис о неизоморфности предметной и языковой действительностей¹⁹, представляя первую апофатически-недостижимой, но выразимой через символ. Данную схему Гоготишвили разрабатывает на основании лингвофилософской интерпретации Лосевым паламизма, в частности на различении сущности и энергии²⁰.

В основе конвенциональной по отношению к трансцендентному (апофатическому) предмету высказывания²¹ структуры языка лежит неконвенциональная прагматическая связь с этим предметом²²: предмет при этом обретает личностные черты (в религиозном смысле речь может идти о Боге), а подразумеваемая связь сводится к общению интенций говорящего и слушающего²³.

Предикат оказывается связанным с операциональной (в онтологической перспективе – энергийной²⁴) функцией символа, то есть с процессом становления и выражения предметного смысла (трансцендентного субъекта) в эйде-

¹⁸ См.: Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). М.: Наука, 1985. С. 130 [22].

¹⁹ См.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 164.

²⁰ См.: Лосев А.Ф. Философия имени. С. 292.

²¹ Под «конвенциональностью» здесь следует «понимать свободу взаимоотношений отдельного языкового знака (имени) с внеположным предметным денотатом»: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 157.

²² Там же. С. 160. Одним из источников идеи коммуникативности нозтической сферы является лосевское понимание нозмы как коррелята предмета в сфере понимания: Лосев А.Ф. Философия имени. С. 65, 75.

²³ См.: Гоготишвили утверждает коммуникативность в качестве общей фундаментальной установки символизма и имяславия: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 164.

²⁴ См.: Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. 1995. № 9. С. 89 [23].

тическом сознании²⁵ (явление (само)предикации эйдосов по отношению к трансцендентному предмету) («Эйдос есть генетический предикат»). Первичный предикат (или самопредикат²⁶) трансформируется в эйдетический субъект, который синтаксически выражается новым предикатом. При этом в случае допущения возможности «идеального» языка («первослова» философии имени Булгакова и Лосева²⁷) позиции субъекта и предиката в высказывании оказываются между собой в неконвенциональных отношениях онтологической субординации (субъект выражается предикатом) и грамматически независимыми от лексической семантики высказывания. Эйдос (или элемент «идеального» языка) неконвенционально занимает позицию синтаксического субъекта, который также неконвенционально устанавливает связь с синтаксическим предикатом²⁸. При дальнейшей выразительной предикации в рамках высказывания естественного языка происходит синтаксическое «скрещивание» субъекта и предиката²⁹, обладающих статичной грамматической позицией (подлежащее и сказуемое).

Соединение неконвенциональных и конвенциональных отношений в языке осуществляется, по Гоготишвили, при помощи категории мифа³⁰. Предполагается, что миф как элемент символа причастен к эйдетическому бытию, прагматически сообщающемуся с апофатическим предметом, синтаксически определяющему форму сочетания языковых единиц и практически не влияющему на лексическую семантику получаемого высказывания³¹.

Таким образом, с лингвистической точки зрения миф воплощает собой синтаксический принцип соединения языковых единиц, а с метафизической

²⁵ См.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. С. 160. Гоготишвили здесь проводит напрашивающуюся аналогию с богословием неявленной сущности и явленной энергии в Боге Григория Паламы (см.: Гоготишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности. С. 685).

²⁶ Там же. С. 686.

²⁷ Подробнее о философских «версиях» имяславия см.: Гоготишвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский). С. 580–614.

²⁸ Два данных действия, по Гоготишвили, составляют два «адреса» лингвистической неконвенциональности (см.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 160); третий «адресом» является упоминаемая выше прагматическая связь говорящего и слушающего (там же. С. 165).

²⁹ См.: Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия). С. 64.

³⁰ Осмысление данной категории в русском символизме выражалось в виде формирования онтологии мифа (см.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М.: Издательский Дом ЯСК: М.: Гнозис, 2022. 696 с. [24]) и своеобразной мифопоэтики (см.: Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с. [25]). Гоготишвили утверждает принципиальную значимость данной категории для символизма (Белый, Иванов, Булгаков, Флоренский, Лосев) (см.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 148, 153).

³¹ Там же. С. 155.

точки зрения – форму становления трансцендентного предметного смысла в имманентном естественном языке³².

Обозначим несколько основных положений предикативной концепции символа Гоготишвили:

1) символ обеспечивает выражение/отображение предметного смысла в языковых структурах; связь языковой и предметной действительности неизоморфна, но по своему содержанию и структуре предметно-конвенциональна, по прагматической интенции – предметно-неконвенциональна;

2) выражение через символ основывается на неконвенциональном соединении субъекта и предиката: в рамках «идеального» языка (если таковой допускается) данное соединение грамматически независимо, в рамках естественного языка – грамматически детерминировано;

3) референция в символе осуществляется посредством мифа, обеспечивающего синтаксическую связь составляющих его предикатов и субъектов естественного языка;

4) символ в своём основании обладает коммуникативной природой, что позволяет рассматривать его в персоналистической и феноменологической перспективах.

Вариативными в рамках данной концепции остаются онтологический и феноменологический статусы имени как единицы языка и мифа как его структурной модели³³. Исходя из этого, оказывается возможным обозначить типологию различных подходов к символу. Проблема имени включает в себе возможность включённости/невключённости в язык эйдетического измерения (вопрос о возможности «идеального» языка). Проблема символического мифа в данном случае включает в себе характеристику его как исключительно языкового или допускающего внеязыковое измерение, а также особенности его связи (или отсутствия оной) с предметным смыслом.

Бытие же предметного смысла может быть описано в виде трёх возможных вариантов:

1) невыразимое в языке, но косвенно связанное с ним посредством эйдетического измерения языка («идеального» языка);

2) невыразимое в языке, но косвенно связанное с ним посредством структур естественного языка (словесный миф);

3) отображаемое в языке как имманентное естественному языку понятие.

³² Там же.

³³ См.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 155.

Лингвофилософские особенности символизма Вячеслава Иванова и Андрея Белого

Рассмотрим два подхода к символизму в свете описанной предикативной концепции.

На наш взгляд, одним из примеров концептуализации рассматриваемого выше образа предметного смысла является «реальнейшее» (*realiora*) Вячеслава Иванова. Обобщённо говоря, оно представляет собой «внутреннюю» и «более реальную» по отношению к данной в языке реальность³⁴. При этом, по замечанию Дениса Мицкевича, соотношение реальнейшего и реального оказывалось у Иванова двунаправленным³⁵: гносеологическое «восхождение» от осязаемого к интуитивному (*a realia ad realiora*) и онтологическое «присутствие» сверхъестественного в естественном (*realiora in rebus*)³⁶. Таким образом, реальнейшее являет себя в виде феноменологического символа, сочетающего онтологическую и гносеологическую функции.

Согласно интерпретации Гогтишвили, реальнейшее семантически (через естественные «имена») не явлено³⁷. Его явленность (энергичность) через символ в этом случае оказывается синтаксической и прагматической («неименной»).

По своей структуре символ представляет собой синтаксическое сочетание («скрещивание») субъекта («что») и предиката («как») с превалирующей ролью глагольного предиката в референции к реальнейшему³⁸. Глагольность предиката в данном случае оказывается способом грамматического усиления его позиции. Согласно описанной выше предикативной концепции, данная конструкция указывает на ограниченность ивановского символизма сферой естественного языка (например, в отличие от подходов Лосева и Булгакова³⁹). Отчасти в связи с этим процесс предикации предполагает два этапа⁴⁰:

³⁴ См.: Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме // Вяч.И. Иванов. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 571 [26].

³⁵ См.: Мицкевич Д.Н. «Реалиоризм» Вячеслава Иванова (Избранные этюды) // Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 221–255 [27].

³⁶ В рамках такого подхода данность реальнейшего в естественном языке осуществляется непрямо и требует оценки её адекватности. Это положение отсылает к феноменологии с тем дополнением, что редукция в случае символизма оказывается связанной с практикой личного «приближения» к этому самому реальнейшему (*a realibus ad realiora*).

³⁷ См.: Гогтишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 109 [28].

³⁸ См.: Иванов Вяч. И. Экскурс: Основной миф в романе «Бесы» // Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 437 [29]; West J. Russian Symbolism: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London: Methuen, 1970. P. 93–95 [30]; Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. 256 p. [31].

³⁹ См.: Гравин А.А. Осмысление имяславия в современной отечественной лингвофилософии // Платоновские исследования. № 16.1 Платоновское философское общество. 2022. С. 266–285 [32].

⁴⁰ См.: Иванов Вяч.И. Форма formans e forma formata (Форма зиждущая и форма созижденная) // Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 675 [33]; Гогтишвили Л.А. Между именем и предикатом... С. 89.

1) «зизждущее» (или «дионисийское») «как» – предикат реальнейшего⁴¹, формирующий синтаксическую структуру символа;

2) «созижденное» (или «аполлоническое») «как» связывает «зизждущий» предикат с субъектом и формирует семантику символа.

Наличие «зизждущего» предиката «как» связывает язык непосредственно с реальнейшим; наличие «созижденного» предиката «как» обосновывает конвенциональный характер отношений языка и реальнейшего⁴².

Следует отметить, что описываемая таким образом референция к реальнейшему связывается Ивановым с понятием мифа, понимаемого как как «*синтетическое суждение*»⁴³. Можно предположить, что миф здесь предстаёт как априорное синтетическое суждение, определяющее знание о реальнейшем.

Используя феноменологическую терминологию, можно сказать, что реальнейшее через миф подразумевается («зизждущая» предикация), а само это подразумевание «описывает» реальнейшее в языковых формах («созижденная» предикация).

Гогтишвили отмечает, что синтетический миф реализуется в синтаксическом «снятии» языковых антиномий, базирующихся на скрещивании противопоставленных предиката и соответствующего ему субъекта. Ввиду феноменологического характера символа⁴⁴, предполагаемое к прочтению интуитивно («между строк») реальнейшее представляется интенциональной целью сознания, переживающего антиномическое единство противоположностей в символическом мифе.

В чистом виде миф оказывается связанным с мистическим созерцанием реальнейшего как события и не связанным с каким-либо семантическим именем (и, как следствие, с естественным «именным» субъектом). Поэтому Гогтишвили делает вывод: опыт реальнейшего для Вячеслава Иванова представлялся внесловесным (или, выражаясь религиозным языком, до-откровенным⁴⁵), но возможным к оформлению через символические фигуры речи (мифоиды). Данный до-откровенный символизм оказывается, с одной стороны, в религиозном смысле мистичным⁴⁶, с другой стороны, в лингвистическом смысле реалистичным: «Если возможен символизм реалистический, возможен и миф»⁴⁷.

Данная версия символизма (в призыве «верности вещам»⁴⁸) предполагает «до-откровенное» выражение трансцендентного реальнейшего (как образа

⁴¹ В случае допущения «идеального» языка (символизм Булгакова и Лосева) данная предикация осуществляется на эйдетическом уровне.

⁴² См.: Гогтишвили Л.А. Между именем и предикатом... С. 96.

⁴³ См.: Иванов Вяч.И. Заветы символизма // Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 594 [34].

⁴⁴ См.: Гогтишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках... С. 154.

⁴⁵ См.: Гогтишвили Л.А. Между именем и предикатом... С. 91.

⁴⁶ См.: Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме. С. 561.

⁴⁷ Там же. С. 554.

⁴⁸ Там же. С. 539.

предметного смысла) через словесный миф предикативно: последовательно через переход от «зизждущего» к «созижденному» измерению предиката и «скрепление» предиката с субъектом.

Однако данной языковой практике может быть противопоставлен «имманентный» её антипод. Так, в работе «Между именем и предикатом» Гоготишвили анализирует символизм Вячеслава Иванова, прибегая к сравнительным оценкам его с символизмом Андрея Белого, специально не рассматривая подробно особенности подхода последнего.

В работе «Две стихии в современном символизме» (1924 г.)⁴⁹ Иванов противопоставляет реалистическому символизму идеалистический, где подход к языку оказывается связанным не с трансцендентным реальнейшим, а с имманентными структурами сознания. В этом случае реальнейшее, по Иванову, перестает «говорить» в предметах, за него «говорит» тот, кто приписывает им те или иные смыслы.

Так, «идеалистическим идолотворчеством»⁵⁰ Вячеслав Иванов обозначал подход к символизму Андрея Белого, которого в определённой мере можно назвать лингвофилософским антагонистом Иванова.

Предметная реальность (в рассматриваемом выше понимании), по Андрею Белому, «отображается» в имманентном сознанию образе: «в глубочайшей сущности моего творческого самоутверждения не могу не верить в существование некоторой реальности, символом или отображением которой является метафорический образ, мною созданный» [36, с. 327]; «...живое, изреченное слово не есть ложь. Оно – выражение сокровенной сущности моей природы» [36, с. 316]. Сама категория до-откровенного реальнейшего здесь была бы избыточной ввиду особенностей подхода Белого: «Процесс познания есть установление отношений между словами, которые впоследствии переносятся на предметы, соответствующие словам» [36, с. 316].

Лингвофилософский символ в данном случае представляет собой не выразительную по отношению к предметной реальности категорию (как это было у Иванова и, например, у поздних имяславцев), а конвенциональное соединение двух высказываний (то есть двух лингвистических субъектов) посредством предикации. Каждый из субъектов оказывается предикатом другого, а их сочетание порождает новый «мифологический» субъект (также представляющий собой элемент естественного языка⁵¹). Гоготишвили отмечает, что «символ-метафора Белого самолично осуществляет референцию к некоему объективируемому “третьему”»⁵². Данный подход к символу подразумевает избыточность как реальнейшего, так и коммуни-

⁴⁹ См.: Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме. С. 561.

⁵⁰ См.: Иванов Вяч.И. Б.Н. Бугаев и “Realiora” // В.И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2016. С. 158 [35].

⁵¹ См.: Goering L.L. Andrei Bely and the Humboldtian tradition of language philosophy (A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy). P. 78.

⁵² См.: Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом.... С. 45.

кативной интенции к выражению до-откровенного бытия (в связи с этим в данном подходе понятие мифа оказывается не связанным с коммуникативностью и прагматикой). Элементы естественного языка «отображают» («именуют»⁵³) предметный мир. Предикация по сути своей оказывается связанной с синтактикой, указывающей на мифологическую семантику «живых» слов, представляющую собой «выражение сокровенной сущности моей [то есть имманентной сознанию] природы»⁵⁴. Таким образом, в свете рассматриваемой предикативной концепции символизм Белого, в отличие от символизма Иванова, оказывается не связан с референцией к реальнейшему и коммуникативным «восхождением» от реального к реальнейшему⁵⁵ (*a realibus ad realiora*), но основан на предикации символических метафор, синтаксически соединяющих различные языковые элементы. При этом синтаксическая связь субъекта и предиката в символе оказывается конвенциональной, а связь языка и предметной действительности – изоморфной с приматом языка по отношению к «именуемым» предметам.

Заключение

Если обобщить выявленные согласно концепции Гоготишвили лингвофилософские сходства и различия двух подходов к символу (Иванов, Белый), то можно сделать следующий вывод.

Лингвистические субъект и предикат в символизме Иванова выполняют функцию выражения доязыкового реальнейшего в рамках естественного языка через предикацию и синтаксическую фиксацию этого выражения в субъекте. Лингвистический предикат в символизме Белого выполняет функцию метафорического соотнесения символизирующего и символизируемого субъектов для получения нового символического субъекта.

Концептуализация рассматриваемых подходов позволяет зафиксировать две различные лингвофилософские стратегии, выражающие эвристический потенциал концепции Гоготишвили (следует отметить, что Людмила Гоготишвили концептуально экстраполирует эти стратегии за границы русского символизма и находит их основание в творчестве Фёдора Тютчева и Александра Пушкина в свете их влияния на формирование русской философии имени⁵⁶). Обе рассматриваемые стратегии (Иванова и Белого) объединяются предикативным и энергийным характером символа, различаясь по типу референции: к внеязыковому трансцендентному реальнейшему посредством неконвенцио-

⁵³ См.: Гоготишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова. С. 25.

⁵⁴ См.: Белый А. Магия слов // Белый А. Собрание сочинений. Символизм. Кн. статей. М.: Культурная революция; Республика, 2010. С. 316 [36].

⁵⁵ Характерен в этом смысле ответ Белого на критику Иванова (см.: Белый А. *Realiora* // Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. С. 242 [37]).

⁵⁶ См.: Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом... С. 94.

нального мифа в первом случае и к иной имманентной языковой единице посредством конвенциональной метафоры во втором⁵⁷.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
2. Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 34–47.
3. Coates R. Religious Renaissance in the Silver Age // A History of Russian Thought. Cambridge: CUP, 2010. P. 169–194.
4. Coates R. Deification in Russian Religious Thought Between the Revolutions, 1905–1917. Oxford university press, 2019. 232 p.
5. Goering L.L. Andrei Bely and the Humboldtian tradition of language philosophy (A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy). Cornell University, 1989. 258 p.
6. Библихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
7. Kuße H. Von der Namensverehrung zur Namensphilosophie. Ihre zeichentheoretischen Konzepte // Name und Person. München: Sagner, 2006. S. 7–110.
8. Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с.
9. Voss J. Aristote et la théorie énergétique du langage de Wilhelm von Humboldt // Revue philosophique de Louvain. QUATRIÈME SÉRIE. 1974. Vol. 72, No. 15. P. 482–508.
10. Мельникова И.В. Природа символа в модусе эссенциально-энергетического единства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Омск, 2006. 151 с.
11. Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. М.: Языки славянских культур, Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.
12. Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 303–382.
13. Гоготишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Между Святым Писанием и поэзией. Europa Orientalis. Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari Università di Salerno. 21 (2002): 1, 2004. С. 213–250.
14. Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273.
15. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
16. Гоготишвили Л.А. Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства. М.: Изд. Дом ЯСК, 2021. 616 с.
17. Гоготишвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 15–103.
18. Гоготишвили Л.А. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева) // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 220–415.
19. Гоготишвили Л.А. К феноменологии непрямого говорения // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 416–696.

⁵⁷ Если в свете предикативной концепции Гоготишвили допустить некоторые методологические обобщения, то символизм Иванова оказывается лингвофилософским предвестником метафизических направлений в лингвофилософии (прежде всего, позднего имяславия и постсимволизма), символизм же Андрея Белого в свете предикативной концепции Гоготишвили предстаёт близким формалистской лингвофилософии: (см.: Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм. Методологическая реконструкция на основе принципа остранения. М., 2001. С. 47 [38]).

20. Гоготишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 684–701.
21. Гоготишвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетей, 1997. С. 580–614.
22. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). М.: Наука, 1985. 335 с.
23. Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. 1995. № 9. С. 80–94.
24. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М.: Изд. Дом ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.
25. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
26. Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 536–561.
27. Мицкевич Д.Н. «Реалиоризм» Вячеслава Иванова (Избранные этюды) // Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 221–255.
28. Гоготишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 104–138.
29. Иванов Вяч.И. Экскурс: Основной миф в романе «Бесы» // Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 437–444.
30. West J. Russian Symbolism: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London: Methuen, 1970. 250 p.
31. Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. 256 p.
32. Гравин А.А. Осмысление имяславия в современной отечественной лингвофилософии // Платоновские исследования. № 16.1 Платоновское философское общество. 2022. С. 266–285.
33. Иванов Вяч.И. Forma formans e forma formata (Форма зиждущая и форма созиданная) // Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 675.
34. Иванов, Вяч.И. Заветы символизма // Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 588–603.
35. Иванов Вяч.И. Б.Н. Бугаев и “Realiora” // В.И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2016. С. 155–159.
36. Белый А. Магия слов // Белый А. Собр. соч. Символизм. Книга статей. М.: Культурная революция; Республика, 2010. С. 316–328.
37. Белый А. Realiora // Белый А. Собр. соч. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. С. 239–242.
38. Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм. Методологическая реконструкция на основе принципа остранения. М., 2001. 672 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Belyy, A. Magiya slov [The Magic of Words], in Belyy, A. *Sobranie sochineniy. Simvolizm. Kniga statey* [Collected Works. Symbolism. Book of articles]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika, 2010, pp. 316–328.

2. Belyy, A. Realiora, in Belyy, A. *Sobranie sochineniy. Arabeski. Kniga statey. Lug zelenyy. Kniga statey* [Collected Works. Arabesque. Book of articles. The green meadow. Book of articles]. Moscow: Respublika; Dmitriy Sechin, 2012, pp. 239–242.

3. Gogotishvili, L.A. Retseptsiya simvolizma v gumanitarnykh naukakh (lingvofilosofskiy aspekt) [Reception of Symbolism in the Humanities (linguophilosophical aspect)], in *Literaturovedenie kak literatura* [Literary criticism as literature]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; Progress-traditsiya, 2004, pp. 148–175.

4. Gogotishvili, L.A. Mezhdru imenem i predikatom (simvolizm Vyach. Ivanova na fone imyaslaviya) [Between the name and the predicate (symbolism of Vyach. Ivanov against the background of name-glory)], in Ivanov, Vyach.I. *Arkhivnye materialy i issledovaniya* [Archival materials and research]. Moscow: Russkie slovari, 1999, pp. 303–382.

5. Gogotishvili, L.A. Antinomicheskiy printsip v poezii Vyach. Ivanova [Antinomic principle in the poetry of Viach. Ivanov], in Ivanov, Vyacheslav. *Mezhdru Svyatym Pisanem i poeziey* [Between Holy Scripture and Poetry]. Europa Orientalis. Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari Universita di Salerno, 21 (2002): 1, 2004, pp. 213–250.

6. Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 720 p.

7. Gogotishvili, L.A. *Lestnitsa Iakova: arkhitektonika lingvofilosofskogo prostranstva* [Jacob's Ladder: Architectonics of the Linguophilosophical Space]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK, 2021. 616 p.

8. Gogotishvili, L.A. Mezhdru imenem i predikatom (simvolizm Vyach. Ivanova na fone imyaslaviya) [Between the name and the predicate (symbolism of Vyach. Ivanov against the background of name-glory)], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 15–103.

9. Gogotishvili, L.A. «Eydeticheskiy yazyk» (rekonstruktsiya i interpretatsiya radikal'noy fenomenologicheskoy novatsii A.F. Loseva) [“Eidetic language” (reconstruction and interpretation of the A.F. Losev's radical phenomenological innovation)], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 220–415.

10. Gogotishvili, L.A. K fenomenologii nepryamogo govoreniya [On the Indirect Speaking Phenomenology], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 416–696.

11. Gogotishvili, L.A. Losevskaya kontseptsiya predikativnosti [Losev's predicativity concept], in Losev, A.F. *Lichnost' i absolut* [Personality and the Absolute]. Moscow: Mysl', 1999, pp. 684–701.

12. Gogotishvili, L.A. Lingvisticheskiy aspekt trekh versiy imyaslaviya (Losev, Bulgakov, Florenskiy) [Linguistic aspect of three versions of onomatodoxy (Losev, Bulgakov, Florensky)], in Losev, A.F. *Imya. Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name. Selected works, translations, conversations, studies, archival materials]. Saint-Petersburg: Aleteya, 1997, pp. 580–614.

13. Gogotishvili, L.A. Antinomicheskiy printsip v poezii Vyach. Ivanova [Antinomic principle in the poetry of Viach. Ivanov], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 104–138.

14. Ivanov, Vyach.I. Dve stikhii v sovremennom simvolizme [Two Elements in Modern Symbolism], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 2* [Collected Works. Vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 536–561.

15. Ivanov, Vyach.I. Ekskurs: Osnovnoy mif v romane «Besy» [Excursion: The main myth in the novel “Demons”], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy T. 4* [Collected works. Vol. 4]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1987, pp. 437–444.

16. Ivanov, Vyach.I. Forma formans e forma formata (Forma zizhdushchaya i forma sozizhdennaya) [Forma formans e forma formata (Form create and form created)], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1979, pp. 675–686.

17. Ivanov, Vyach.I. Zavety simvolizma [Testaments of Symbolism], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 2* [Collected Works. Vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 588–603.

18. Ivanov, Vyach.I. B.N. Bugaev i «Realiora» [B.N. Bugaev and “Realiora”], in *VI. Ivanov: pro et contra, anthology. Vol. 1*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2016, pp. 155–159

19. Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [Dialectic of myth. Supplement to the “Dialectic of Myth” (new academic edition, corrected and enlarged)]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK; Gnozis, 2022. 696 p.

20. Losev, A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow: Mysl', 1993. 959 p.

21. Losev, A.F. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the name]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2016. 672 p.

(Articles from Scientific Journals)

22. Biryukov, D.S. *Vestnik of VolSU. Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 23, no. 5, pp. 34–47.

23. Coates, R. *Religious Renaissance in the Silver Age. A History of Russian Thought*. Cambridge: CUP, 2010, pp. 169–194.

24. Fedotova, S.V. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 252–273.

25. Gravin, A.A. *Platonovskie issledovaniya*, 2022, no. 16.1 Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 266–285.

26. Kuße, H. Von der Namensverehrung zur Namensphilosophie. Ihre zeichentheoretischen Konzepte. Name und Person. München: Sagner, 2006. S. 77–110.

27. Khoruzhiy, S.S. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 9, pp. 80–94.

28. Mitskevich, D.N. «Realiorizm» Vyacheslava Ivanova (Izbrannye etyudy) [“Realiorism” by Vyacheslav Ivanov (Selected sketches)], in *Filosofiya. Literatura. Iskusstvo: Andrey Belyy – Vyacheslav Ivanov – Aleksandr Skryabin* [Philosophy. Literature. Art: Andrei Bely – Vyacheslav Ivanov – Alexander Scriabin]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, pp. 221–255.

29. Stepanov, Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka (Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii i iskusstva)* [In the three-dimensional space of language (Semiotic problems of linguistics, philosophy and art)]. Moscow: Nauka, 1985. 335 p.

30. Voss, J. Aristote et la théorie énergétique du langage de Wilhelm von Humboldt. *Revue philosophique de Louvain. QUATRIÈME SÉRIE*, 1974, vol. 72, no. 15, pp. 482–508.

(Monographs)

31. Bibikhin, V.V. *Vnutrennyaya forma slova* [The internal form of the word]. Saint-Petersburg: Nauka, 2008. 420 p.

32. Coates, R. *Deification in Russian Religious Thought Between the Revolutions, 1905–1917*. Oxford university press, 2019. 232 p.

33. Goering, L.L. *Andrei Bely and the Humboldtian tradition of language philosophy (A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy)*. Cornell University, 1989. 258 p.

34. Khanzen-Leve, A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian symbolism. The system of poetic motives. Mythopoetic symbolism. Space symbolism]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003. 816 p.

35. Khanzen-Leve, O.A. *Russkiy formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism. Methodological reconstruction based on the principle of defamiliarization]. Moscow, 2001. 672 p.

36. Wachtel, M. *Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov*. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. 256 p.

37. West, J. *Russian Symbolism: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic*. London: Methuen, 1970. 250 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

38. Melnikova, I.V. *Priroda simvola v moduse essential'no-energiynogo edinstva*. Diss. ... kand. filos. nauk [The nature of the symbol in the mode of essential-energy unity. Cand. philos. sci. diss]. Omsk, 2006. 151 p.